

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Ю.В. Аленькова, М.И. Матюшевская (г. Могилев)

НЕОМИФОЛОГИЗМ В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В современных гуманитарных исследованиях актуализируется проблема мифа и неомифологизма как форм культуры. В научный дискурс прочно вошли такие понятия как "ремифологизация", "неомифологическое сознание", "неомифологический нарратив" и пр. Выводы относительно сущности мифа и мифологического сознания, сделанные учеными, а также анализ реалий современной социокультурной ситуации позволяют нам утверждать, что неомифологизм лежит в основании парадигмы современной культуры.

Прежде, чем обосновать выдвинутый тезис, необходимо прояснить, в каком контексте используется понятие "парадигма культуры" ("культурная парадигма"), поскольку процесс его концептуализации еще не закончен, зачастую оно употребляется метафорически, по аналогии с куновской научной парадигмой. Так, по М. Найдорфу, культурная парадигма "это сложившийся в данной культуре поведенческий паттерн", служащий "подсказкой, которой люди данной культуры могут воспользоваться при необходимости решить задачу построения собственной деятельности" [8]. Н.Б. Бакач собирает в этом понятии различные аспекты и функции (когнитивные, аксиологические, междисциплинарные и др.), в результате культурная парадигма выступает как "реально существующий феномен целостности культурных явлений, фактор их смысловой синхронности, обеспечивающий единство культуры на эмпирическом уровне" [1]. Д.В. Конончук, С.Е. Ячин утверждают, что культурная парадигма "собразна историчности человеческого сознания", она обеспечивает историческую преемственность культуры. "Носителем парадигмы, как и носителем культуры, является только крупная социальная общность, в которой парадигма присутствует уже не всегда рефлексивно, но зато она оказывается инкорпорированной в дискурс, в габитус, в ментальность своих носителей и поэтому проявляется в повседневной жизни в мире" [5, с. 10].

Принимая трактовку парадигмы как целостности культуры, как единства ее рефлексивных и неререфлексивных форм, мы полагаем, что неомифологизм можно рассматривать как "фактор смысловой синхронности" разных сфер современной культуры, что проявляется в следующих аспектах:

- в ремифологизации философии и науки;
- в возникновении неомифологического сознания как проявления культурной ментальности, свойственной литературе и искусству XX века;
- в мифологизации массового сознания (социальных и политических мифах), и неомифах современной массовой культуры.

Термин "ремифологизация" употребляет Е. Мелетинский, выделяя два существующих в науке противоположных направления – демифологизацию и ремифологизацию. [7, с. 10]. Демифологизация представляет миф как плод незрелой мысли, как неумелые ложные обобщения, пережитки первобытных институтов, что было свойственно философии, с античности до XIX века, и особенно характерно для Декарта и Просвещения. (Шеллинг и Гофман как романтики – исключения). С конца XIX века начинается процесс ремифологизации, связанный с кризисом классического рационализма. В философии – это Ф. Ницше, в антропологии – Б. Малиновский, Ф. Боас,

Дж. Фрезер. Они подчеркивали фундаментальную роль мифа в жизни архаического общества и в генезисе некоторых социальных институтов. В XX веке возникло множество методологических подходов к изучению мифа: социологический (Э. Дюркгейм, М. Мосс), психоаналитический (З. Фрейд, К.Г. Юнг), ритуально-мифологический (Дж. Фрезер, Б. Малиновский), символический (Э. Кассирер), этнографический (К. Леви-Брюль), структуралистский (К. Леви-Стросс, М. Элиаде, В. Тернер), постструктуралистский (Р. Барт, М. Фуко) и др. В результате этих исследований был преодолен подход к мифу как форме наивного, незрелого сознания, и миф стал рассматриваться как феномен культуры, обладающий своей специфической внутренней логикой.

Обращение к мифу как форме сознания актуализируется с формированием постнеклассической научной парадигмы, в рамках которой поднимается вопрос о взаимодействии науки с венаучными формами знания. Идеи синергетики, коэволюции, доминирующие в современной науке, дают возможность усмотреть в мифе коррелят принципа самоорганизации (миф воплощает идею рождения Порядка из Хаоса). Для постнеклассической парадигмы характерна человекоразмерность, возможно, поэтому мифологический принцип соразмерности космоса человеку стал привлекателен для ученых. Философы отмечают также когнитивный потенциал мифа для развития науки. А.Ф. Косарев выдвигает положение о приоритете мифа перед наукой, поскольку миф является отражением триединой реальности бытия человека: реальности физической, метафизической и трансцендентной. Наука же "вычлняет из обыденного сознания и ассимилирует, по преимуществу, технологии, относящиеся к сфере физической реальности" [6, с. 63]. Но в рамках современной парадигмы мифологические сюжеты и образы могут служить моделями для построения научных теорий и философских концепций. Таким образом, обращение науки к мифическому как до-теоретическому контексту возникновения научных понятий и концептов уже не рассматривается как нонсенс [6, с. 221–260].

В результате возникшего интереса науки к мифу изменился и сам научный дискурс, для которого стал свойственен мифопоэзис (термин Л.П. Киященко), сочетающий в себе "как идеальное, так и материальное, умопостижимое и чувствующее, как выражающее, так и выражаемое и тому подобные дихотомии" [4, с. 373].

Но если наука с некоторой опаской относится к когнитивным, эвристическим, эпистемологическим возможностям мифологического сознания, то его художественно-символический потенциал в полной мере востребовала литература, в которой, начиная с эпохи модернизма, утвердилось неомифологическое сознание (термин В.П. Руднева). Оно проявляется в том, "художественный текст XX в. сам начинает уподобляться мифу по своей структуре", основными чертами которой являются "циклическое время, игра на стыке между иллюзией и реальностью, уподобление языка художественного текста мифологическому предязыку" [9, с. 185].

Глубокий анализ мифологизма западной литературы XX века дан Е. Мелетинским. Анализируя творчество Джойса и Т.Манна, Кафки, Маркеса и др., автор выделяет сущностные черты мифологизма XX века, среди которых – разочарование в "историзме", страх перед историческими потрясениями ("кошмаром истории") и неверие, что социальные сдвиги изменят метафизическую основу человеческого бытия и сознания [7, с. 296]. Важно учесть вывод Мелетинского о характере мифологизма

XX в., который не является воскрешением архаического мифа. Язык неомифологизма не совпадает с языком древних мифов, "поскольку нельзя поставить знак равенства между невиденностью личности из общины и ее деградацией в современном индустриальном обществе, нивелированностью, отчуждением и т.п." [7, с. 371].

На уровне поведенческих паттернов неомифологизм есть воплощение установок массового сознания, в котором доминируют формы социальной и политической мифологии, но более всего – мифы массовой культуры. Неомифологическое массовое сознание опирается на архаические пласты коллективного бессознательного, на архетипические сюжеты, но также не является воспроизводством процедур архаического мифотворчества. Сегодня мы можем говорить о существовании особой индустрии "производства" мифов" (по работам Э. Кассирера, К.Г. Юнга, Р. Барта, Ж. Бодрийяра и пр.). Так, Э. Кассирер утверждает, что XX век породил "технику" мифологического мышления, не имеющую аналогов в истории: мифы изобретаются и производятся, как боевое вооружение. Политический миф начинает формироваться с изменений функции языка, когда на первое место выходит не семантическая, а магическая функция слова, а современный политик предстает как *homo magus* [3, с. 62].

Если для Кассирера предметом анализа была мифология тоталитарных обществ, то для Р. Барта – миф западного либерального общества. Выводы обоих мыслителей говорят о том, что в любом типе общества социальная мифология – способ манипулирования общественным сознанием. Специфической чертой социального мифа, как показал Р. Барт, является его превращение в идеологию, когда "в понятие влагается не столько сама реальность, сколько известное представление о ней" [2, с. 244]. Бартовкая трактовка мифа как семиотической системы "означающее-означающее-знак" стала классической и применяется для анализа фактически всех форм современной культуры. По Барту миф – это мифическое слово, а его носителем способно служить все – не только письменный дискурс, но и фотография, репортаж, спорт, реклама [2, с. 234].

Актуальными для анализа мифотворчества современной массовой культуры являются юнгианская теория архетипов, теория симулякра Ж. Бодрийяра, работы М. Элиаде и др. Применяя их к анализу реальных масскульта, можно выделить его "мифологическое ядро": миф Успеха, миф вечной молодости, миф об утерянном рае, миф героя (миф о супермене), миф Золушки и др., транслируемые рекламой, телесериалами, индустрией формирования имиджа и пр. Подобные мифы формируют поведенческие паттерны, задают аксиологические параметры человеческой жизни, и в итоге являются средством манипуляции людьми. Как замечает Р. Барт, "... всегда и всюду, сталкиваясь с мифами, человек всякий раз отбрасывается ими к своему неизменному прототипу, который начинает жить вместо него, душит его изнутри подобно огромному паразиту и ставит его деятельности узкие пределы..." [2, с. 283].

Одной из важнейших функций неомифа является преодоление историзма, по словам М. Элиаде, – игнорирование того, что называется "историческим моментом". Культура предоставляет нам такие способы "убить время", как чтение и зрелищные развлечения (правда, сегодня чтение вытесняется пребыванием в виртуальной реальности). Но любая форма "убивания времени" – все равно выход "из своего собственного течения времени, чтобы идти в другом ритме, жить в иной истории" [10]. Фактически это бегство в *das map*, бегство от подлинности человеческого бытия как бытия-к-смерти (М. Хайдеггер). Но для массовой культуры такая подлинность есть анти-ценность. Возможно, этим объясняется живучесть в массовом сознании мифа вечной молодости (происходит "шантаж молодостью", по словам Ортеги-и-Гассета). Можно "заклясть" время разными способами: купив косметику определенной фирмы, лекарство от такого-то производителя и прочие аналоги "живой воды". Тиражируемый рекламой образ фарфоровой куклы, не знающей

старости, а также массивная "борьба со старением" – часть этого мифа.

Таким образом, неомифологизм амбивалентен, и в этом состоит специфика современной культурной парадигмы. С одной стороны, ремифологизация как способ преодоления кризиса рационализма, открывает возможность формирования нового миропонимания и мировоззрения, с другой стороны, неомифологизм, будучи способом манипуляции массовым сознанием, требует демифологизации. Оба этих процесса представлены в современной культуре и научных исследованиях.

Теоретический анализ мифа и неомифологизма имеет большое значение для преподавания гуманитарных дисциплин, в частности философии, культурологии, религиоведения, методологии исторической науки и пр. В ходе анализа этой проблематики студенты формируют представления о мифе не только как об историческом типе мировоззрения, но и как о феномене современной культуры, что позволяет им лучше ориентироваться в социокультурных реалиях современности, а также способствует формированию общекультурной компетенции, одной из ключевых в системе высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакач, Н.Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа / автореф. дис. ... канд. филос. наук / 09.00.11 / Н.Б. Бакач; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 1998. – 21 с.
2. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – М.: Академический проект, 2008. – 351 с.
3. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Вестник МГУ, сер. – 1990. – № 2. – С. 58–65.
4. Киященко, Л.П. Мифопоэтика научного дискурса / Л.П. Киященко // Философия науки. – Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. – М.: ИФ РАН, 2002. – С. 355–374.
5. Конончук, Д.В., Ячин, С.Е. Культурная парадигма: опыт концептуального осмысления / Д.В. Конончук, С.Е. Ячин // Ойкумена. – 2012. – № 2. – С. 7–13.
6. Косарев, А.Ф. Философия мифа. Мифология и ее эвристическая значимость / Косарев А.Ф. – М.: ПЕР СЭ. СПб.: Университетская книга, 2000. – 304 с.
7. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное / Е.М. Мелетинский. – М.: Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 2000. – 407 с.
8. Найдорф, М. К проблеме культурологической терминологии: о механизмах культурной мотивации / URL: http://www.counties.ru/library/theory/culturological_terminology.htm. – [Дата обращения: 12.10.2012 г.]
9. Руднев, В.П. Словарь культуры XX века / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.
10. Элиаде, М. Мифы современного мира / URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Eliade/Mif_SovrMir.php [Дата обращения: 12.10.2012 г.]